

ПЕРВЕНЦЫ: К СОРОКАЛЕТИЮ первого выпуска факультета психологии Санкт-Петербургского университета

Наталья Анатольевна Логинова,

*профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии
Санкт-Петербургского государственного университета,
доктор психологических наук*

Проблема подготовки психолого-педагогических кадров в России для школы и отраслей экономики на современном этапе достаточно актуальна.

Мы посчитали важным поделиться с читателями журнала в эпоху больших перемен, непрерывных и неоднозначных по результатам реформ высшего образования, историей создания факультета психологии в Санкт-Петербургском университете одним из ярких лидеров отечественной психологии, основателем научной школы Борисом Герасимовичем Ананьевым. Одна из первых выпускниц факультета рассказывает о том, как была организована подготовка специалистов в тот период, какими были учебный план и учебные программы, профессора и преподаватели, характер преподавания и учения, отношения преподавателей и студентов.

- история науки • психологическое образование • развитие студента
- учебный план • содержание обучения • индивидуальность

Становление факультета психологии в Санкт-Петербурге

В 1971 г. на новых факультетах психологии Московского и Ленинградского государственных университетов произошло знаменательное событие — выпуск молодых специалистов первого — 1966 г. — приёма. Это был важный рубеж в истории высшего психологического образования в нашей стране.

Факультеты были образованы на базе отделений психологии, которые существовали в МГУ с 1943 г., в ЛГУ с 1944 г. Первым опытом организации высшего психологического образования в России, насколько мне известно, было открытие в 1907 г. секции (факультета) психологии в Научно-исследовательском психоневрологическом институте, которым руководил В.М. Бехтерев.

Секция просуществовала совсем недолго и уже в 1908 г. была объединена с педагогическим факультетом того же института¹. Подготовку специалистов-психологов, правда, без выдачи диплома о высшем психологическом образовании, осуществлял Психологический институт при Московском университете под руководством Г.И. Челпанова (1914). В 20-е годы здесь и в бехтеревском Институте мозга в Ленинграде была организована аспирантура по психологии.

Первый приём на факультет психологии происходил летом 1966 г. Интерес к вновь открывшемуся факультету был велик, и конкурс, несмотря на слабую осведомлённость молодёжи 1960-х годов о факультете и профессии психолога, значительным. На первый курс дневного отделения приняли 50 человек, которые успешно сдали экзамены по физике (устно), математике (письменно), истории СССР (устно), литературе (сочинение) и прошли по конкурсу. Переживаний было много, экзамены — трудными, а конкурс — большим, и не все даже очень подготовленные абитуриенты его выдержали. Были такие, которые поступили на факультет с третьей попытки. Это говорит о большой силе их стремления и строгости конкурсного отбора. В общем, на первый курс мы пришли с горячим желанием учиться.

Первое занятие на первом курсе началось 3 октября 1966 г. в 9 часов². Мы вступили в студенческую жизнь и вскоре стали участниками многолетнего комплексного исследования — сначала только как испытуемые, а потом как экспериментаторы. Таков был замысел Б.Г. Ананьева — проследить развитие каждого студента в течение всего периода обучения и вовлечь нас в настоящую научную работу. Уже на первой встрече с нами он гово-

рил о нашем участии в комплексных исследованиях и дал задание проводить самонаблюдения в течение всех лет обучения в университете. Участие в научных и учебных экспериментах, испытание на себе различных методов и методик — обязательное условие формирования специалиста-психолога. Мы проходили обследование по углублённой программе, включающей в себя тест Д. Векслера, измерение характеристик психических, психофизиологических, нейрофизиологических, вегетативных, биохимических функций, конституциональных индивидуальных и личностных особенностей³.

Учебный план и программы⁴ соответствовали предмету и структуре психологической науки, её междисциплинарным связям, характеру научной школы. План отличался широтой и фундаментальностью. В нём предусматривались следующие учебные дисциплины: общая психология (на 1, 2, 3 курсах читали Б.Г. Ананьев, Л.М. Веккер, И.М. Палей), экспериментальная психология (1, 2, 3, 4 курсы, лекции читали Б.Ф. Ломов, В.П. Лисенкова, В.К. Гайда, Т.П. Зинченко, Ю.М. Забродин, Н.А. Розе), сравнительная психология (Н.А. Тих), инженерная психология (А.А. Крылов), возрастная психология (Е.Ф. Рыбалко), история психологии (Е.С. Кузьмин), социальная психология (сотрудники кафедры и лаборатории социальной психологии), психология труда (М.А. Дмитриева), патопсихология (Т.А. Немчин), педагогическая психология (не имею данных о лекторе), методика преподавания психологии (не имею данных о лекторе), теория измерений в психологии (Г.В. Суходольский), математическая психология (В.П. Сочивко), психогеронтология (М.Д. Александрова), дефектология (А.В. Ярмоленко), экстремальные условия (В.Л. Марищук).

¹ Логинова Н.А. Опыт человекознания: история комплексного подхода в психологических школах В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева. СПб.: СПбГУ. 2005.

² До этого времени учёные степени присуждались по специальности «педагогические науки» с уточнением в скобках (по психологии).

³ Ананьев Б.Г. Комплексное изучение человека и психологическая диагностика // Вопросы психологии. 1968. № 6. С. 21–33; 10. Психодиагностические методы (в комплексном лонгитюдном исследовании студентов). Л.: ЛГУ. 1976.

⁴ Ананьев Б.Г. Программа курса «Общая психология». ЛГУ. 1966.

Были ещё оригинальные спецкурсы по специализациям. На специализации общей и дифференциальной психологии читали «Введение в комплексные исследования человека» (Б.Г. Ананьев), «Психологию познания» (Л.М. Веккер), «Избранные проблемы психологии личности» (В.Н. Мясищев), теорию личности (В.К. Гербачевский), соматологию (Г.И. Акинщикова), акмеологию, а также лонгитюдные исследования (Б.Г. Ананьев и сотрудники его лаборатории).

Содержательным был цикл естественно-научных дисциплин и математики: общую биологию читал первооткрыватель фитонцидов, Герой Социалистического труда Б.П. Токин, генетику — крупный генетик М.Е. Лобашов, как сказали его сотрудницы, прототип главного персонажа романа «Два капитана» Вениамина Каверина, морфологию и эволюцию нервной системы — В.А. Бианки, исследователь эволюции билатеральности головного мозга. Все увлечённые делом люди, большие учёные. Курс антропологии длился два семестра, его вела Г.И. Акинщикова. К сожалению, в новейших учебных планах факультета психологии антропология, как и сравнительная психология отсутствуют, что противоречит антропологизму и генетизму научной школы Б.Г. Ананьева. Были ещё общий курс анатомии и физиологии человека, физиология труда (Е.П. Ильин), высшая математика, вариационная статистика (Г.В. Суходольский), введение в кибернетику (В.А. Ганзен), основы радиоэлектроники. Не всё шло гладко в учебном процессе. Ведь это был период отладки учебных курсов, апробирования учебных планов, освоения новых тем самими преподавателями. Но когда я просматриваю старые студенческие тетради, то сама удивляюсь, сколько мы всего изучали, и как всё было солидно — высоконаучное содержание занятий, конспекты первоисточников, масса числовых данных, формул, графиков. На семинарах сложные темы реферативных докладов, причём литературу прорабатывали сами — слава богу, скачать готовенький текст было неоткуда, да мы и не стремились к халтуре — учились на совесть.

В учебном плане гуманитарные дисциплины были представлены историей КПСС, политической экономией, диалектическим материализмом (Ф.Ф. Вяккерев), историческим материализмом

(Ю.В. Перов), основами научного коммунизма, основами научного атеизма, педагогикой и её историей (её читала с большим воодушевлением Н.В. Кузьмина), иностранным языком, логикой с элементами математической логики. К тому же в учебном плане были физическое воспитание, медицинская подготовка и гражданская оборона. Они были очень хорошо поставлены. Мы регулярно занимались выбранным видом спорта и серьёзно осваивали профессию медсестры, в итоге получили удостоверение о присвоении этой дополнительной квалификации. Как положено, проходили производственную и педагогическую практику, писали курсовые и защищали дипломные работы.

Учебный план был нацелен на формирование фундаментальных и разносторонних знаний, необходимых для профессиональной деятельности психолога в области научных исследований, преподавания и психодиагностики. В меньшей степени, чем в настоящее время, учебный план был направлен на практическую деятельность. Тем не менее, наших учителей заботил вопрос о внедрении психологии в гущу жизни. Понимая её объективную необходимость для общества и каждого человека, они учили нас не только теории, но и многим практически полезным вещам, особенно психодиагностическим методам. Так, на специализации по общей и возрастной психологии мы получили редкий опыт монографического изучения индивидуальности — «случаев». Мы составляли психографии, пытались синтезировать структуру личности изучаемых лиц на основе многоуровневых и разнообразных эмпирических данных о них из фонда лаборатории антропологии и дифференциальной психологии, а также данных, собранных нами самими.

Практическая психологическая служба только начинала складываться, и огромную роль в этом играли теоретические и прикладные работы и публичные

выступления Б.Г. Ананьева с её обоснованием. Опережая социальный заказ, в университете была создана первая в стране лаборатория инженерной психологии во главе с Б.Ф. Ломовым. Он стал и первым деканом факультета. Именно Борис Фёдорович Ломов принимал нас на факультет и читал инженерную психологию. Статный и голубоглазый человек с бархатным артистическим голосом (в юности работал в драмтеатре в родном городе Горьком), он напоминал Фёдора Шаляпина, тоже волгара, с известного портрета Серова. Когда мы пришли на второй курс, деканом уже был Б.Г. Ананьев, поскольку Борис Фёдорович переехал в Москву и вскоре стал главным двигателем трудного многолетнего процесса организации Института психологии АН СССР, а потом и первым директором этого института.

Кадры – показатель научного потенциала факультета

Признанный лидер, идеолог и организатор психологического образования и школы психологов ЛГУ-СПбГУ — Борис Герасимович Ананьев. Он создал антропо-психологическую теорию, положенную в основу исследовательских программ факультета, организовал ряд коллективных исследований и лично участвовал в воспитании более 700 универсантов-психологов. Большую роль в создании научной психологической школы с центром в ЛГУ сыграли его соратники, вместе с ним пришедшие в университет из Института мозга им. В.М. Бехтерева и продолжившие лучшие традиции этого уникального научного учреждения. Мы ещё застали некоторых из основателей психологического отделения ЛГУ (отделение открылось в 1944 г.). В лице старших учителей (и не только из факультета психологии) мы соприкоснулись с «уходящей натурой» — русской интеллигенцией, учившейся ещё в гимназии. Это В.Н. Мясичев, Н.А. Тих, А.В. Ярмоленко, Е.И. Зейлигер-Рубинштейн (кстати, близкая родственница С.Л. Рубинштейна), выше упомянутый Б.П. Токин.

Среднее по возрасту поколение преподавателей составляли те люди, которые в годы Великой Отечественной войны воевали, обороняли Ленинград, а потом пережил гнетущие события поздней сталинщины («1949 г., «Ленинградское дело» — страшное время и для нашего университета). Но уже в период хрущёвской «оттепели» пришли «шестидесятники» и составили молодое поколение университетских преподавателей. Жизненный опыт исторического масштаба придавал особую значительность личности каждого, даже заурядного человека. Тем более, он укрупнял характеры талантливых людей. Так вот, нам повезло — нас воспитывали личности с большой буквы, индивидуальности в высоком смысле слова. Их невозможно забыть и сорок лет спустя.

Если учесть, что нас учили прямые ученики самого В.М. Бехтерева, питомцы его Института мозга, то, выходит, мы третье поколение бехтеревцев, а наши ученики — уже четвёртое. О преемственности научных школ В.М. Бехтерева и университетской школы Б.Г. Ананьева уже доводилось писать⁵. Здесь лишь отмечу ценность для становления молодого исследователя приобретения к научной школе. Сегодня, к сожалению, крепнет тенденция размывания научных школ. Есть даже принципиальное неприятие этого неформального научного и образовательного института. Однако для тех, кому посчастливилось не просто получить высшее образование, а «прислужиться» в научной школе, понимают её ценность и гордятся принадлежностью к ней. В научной школе особенно эффективно формируется личность специалиста, а в лучшем случае вырастает человек науки, для которого исследовательская

⁵ Логинова Н.А. О преемственной связи психологических школ В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева // История становления и развития экспериментально-психологических исследований в России. М.: Наука. 1990. С. 116–126;

Логинова Н.А. Опыт человекознания: история комплексного подхода в психологических школах В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева. СПб.: СПбГУ. 2005.

деятельность является призванием и важным источником счастья.

Индивидуальный подход к воспитанию молодого поколения в высшей степени отличал психологическую школу Ленинградского университета. Наши учителя заботились о нашем развитии, изучали нас и прогнозировали наше будущее. Они были расположены к интересному научному общению со студентами и вовлекали нас в круг своих научных интересов. Было принято приглашать студентов на заседания диссертационных советов, где живо, ярко проходили защиты диссертаций. При нас состоялись защиты первой докторской по психологическим наукам Е.П. Ильина (1968), докторская защита Е.С. Кузьмина (1967) и Е.Ф. Рыбалко (1970). Мы участвовали в научных конференциях и заседаниях кафедр, лабораторий. Сам Борис Герасимович не жалел для нас ни сил, ни времени, ни идей. Очень ответственно относился к студентам. Всегда был внимателен к нашему творческому самовыражению — будь то первые научные работы или организация литературного вечера. При этом Борис Герасимович был весьма требователен и строг, а порой и справедливо суров. Индивидуальность ценилась не только в теории, но и в реальной жизни факультета и потому расцветала. Каналов для самовыражения каждого было немало. Преподаватели читали оригинальные спецкурсы и даже нормативную дисциплину, например, общую психологию преподавали не стандартно, а лично, с позиции собственной концептуальной системы.

Борис Герасимович с первого курса приобщал нас к теоретической основе университетской психологической школы, к своей теории, которую ныне мы называли антропологической психологией. Его первая лекция состоялась 6 октября 1966 г.⁶ в мраморном зале (ауд. 40) на Красной (Галерной) улице, 60. Борис Герасимович кратко рассказал об истории психологического отделения университета и о его воспитанниках — Б.Ф. Ломове, А.А. Бодалёве, Е.С. Кузьмине, Е.В. Шороховой, В.Н. Андреевой. Сообщил, что в 1969 г университет будет отмечать 150-летие. Весь первый семестр Б.Г. Ананьев раскрывал перед нами проблемы, задачи, методологию фундаментальных и при-

⁶ Здесь и далее использованы факты из моих конспектов, записей разных выступлений и писем родным 1966–1971 гг.

кладных психологических наук и связывал их с запросами практики. Тогда на лекциях он впервые объективировал новую классификацию методов психологии и многие идеи, которые потом мы прочли в его книге «Человек как предмет познания». Борис Герасимович посвятил немало времени введению в специальность, раскрывая структуру психологической науки, её категориальный строй и основные вехи истории. Мы впервые от него узнали имена В.М. Бехтерева, П.П. Блонского, Л.С. Выготского, К.К. Корнилова, С.Л. Рубинштейна, Б.М. Теплова, Д.Н. Узнадзе, А.А. Ухтомского. Уважение к предшественникам и соратникам по науке прививалось с младых лет.

Содержание обучения психологии в высшей школе и подходы к его освоению

В программу непременно включались и основательно прорабатывались на семинарских занятиях книги классиков мировой и отечественной психологии. Так, уже в первом семестре мы обязаны были освоить монографию С.Л. Рубинштейна «Бытие и сознание». Прямо скажем, это был острый педагогический эксперимент. Философское произведение С.Л. Рубинштейна было поначалу неподъёмным, но мы старались и честно сдали Нине Альбертовне Розе (Гриценко) зачёт по этой книге. Известный ныне учёный Марина Холодная (Бергер) оценивает изучение монографии С.Л. Рубинштейна как ментальный опыт, заложивший установку на серьёзное учение на высоком научном уровне. Присоединяюсь к её оценке. А ещё мы слушали спецкурс В.Н. Мясищева, в котором освещались и критично оценивались теории В. Штерна, Г. Салливена, Э. Йенша, Л. Клягеса, К. Юнга, спецкурс В.К. Гербачевского о теории Курта Левина. В курсовых и дипломных работах были обязательны ссылки на редкие источники на языке оригинала. Можно вспомнить, что именно в научной

школе университета активно стали пользоваться тестами, в основном зарубежными.

На практических занятиях осваивали тесты ММРІ, Розенцвейга, Кэттела, Векслера, Айзенка, Роршаха, но приоритет был за экспериментом.

С литературой было очень непросто, учиться тоже нелегко. Мы занимались психологией по научным монографиям и статьям Ананьева, Веккера, Выготского, Леонтьева, Ломова, Мерлина, Мясищева, Небылицына, Теплова, а также иностранных авторов Валлона, Барлетта, Стивенса, Вудвортса, Пиаже и других известных учёных. Из учебников использовался только учебник «Основы общей психологии» С.Л. Рубинштейна. Мои однокашники любят вспоминать регулярные походы в Публичную библиотеку на Фонтанке (там был студенческий отдел библиотеки) и очереди на какую-либо редкую, в одном экземпляре, книгу. Так, на первом курсе мы по очереди читали и усердно конспектировали книги дореволюционных изданий, довоенные психологические и медицинские журналы и другие раритеты. Приходилось пораньше бежать на Фонтанку и уходить из библиотеки после 22, а то и 23 часов (таков тогда был режим работы библиотек). Нас эти трудности не удручали. Напротив, вселяли гордость за то, что мы их преодолеваем, что у нас на факультете всё всерьёз. Такая была романтика нашего учения.

Во втором семестре Б.Г. Ананьев читал теорию ощущений. Такое большое место проблема ощущений и в целом чувственного познания не занимала и не занимает ни в одном университете страны и мира. Как уже говорилось, материалистический сенсуализм — одна из характерных особенностей научного мировоззрения Ананьева и его школы. Он решительно и обосновано отвергал попытки устранить ощущения из предмета психологии и заменить их восприятиями, полагая, что ощущения — источник развития сознания и всей психической структуры личности. Как известно, под его руководством выполнены десятки конкретных исследований всех форм чувственного познания и всех видов ощущений в том числе.

Второй курс прошёл под знаком лекций Льва Марковича Веккера. На занятиях по общей психологии осваивали его концепцию психических процессов, причём на базе, как он особенно подчёркивал, всего «золотого фонда» психологической науки. Как и лекции Ананьева, лекции Веккера были сугубо научными и больше походили на многочасовой научный доклад без особых скидок на возраст и опыт аудитории. Борис Герасимович говорил нам, что у студента должна быть напряжённая интеллектуальная жизнь и никак иначе. Проблемное обучение осуществлялось в полной мере. Вопросы студентов на занятиях приветствовались. Требовательным отношением и чёткостью обсуждений отличались семинары по общей психологии Валентины Николаевны Андреевой. Экзамены по общей психологии проводились в диалоговом режиме, причём очень строго. Отметки в ведомости были разнообразными, случались и «двойки». Кое-кто не выдерживал и уже на первом курсе отчислялся. На старших курсах экзамены проходили легче, и средний балл успеваемости повышался от курса к курсу. В конце концов, «красные» дипломы получили примерно 15% выпускников 1971 г. Сейчас, бывает, количество отличников на факультете по некоторым специализациям доходит до 60%. Однако я отнюдь не уверена, что нынешние отличники знают и понимают психологию лучше, чем мы в своё время.

Есть научные данные о динамике интеллекта студентов моего курса, полученные в комплексном исследовании. Как оказалось, по данным М.Д. Дворяшиной, за пять студенческих лет средний показатель общего интеллекта вырос на пять баллов по шкале Векслера. Значит, в студенческие 1966–1971 годы не только накапливались знания, но под влиянием обучения развивался интеллект и личность в целом⁷. Я подчеркнула даты

⁷ Дворяшина М.Д. Особенности интеллектуального развития студентов в процессе обучения // Человек и общество. Л. 1973. Вып. XIII. С. 97–105.

исследования не случайно, потому что при повторении аналогичных замеров на студентах 1980-х гг. тот же автор не нашёл повышения уровня интеллекта у студентов за годы учёния. М.Д. Дворяшина сделала вывод об ухудшении качества высшего образования, что и выразилось в фактически нулевом эффекте по линии развития интеллекта⁸. Интересно бы сравнить, а как в настоящий период? Насколько эффективно в плане интеллектуального развития обучение в университете?

Весь третий курс общая психология была посвящена личности, по сути — дифференциальной психологии. Особое внимание уделялось свойствам и типам нервной системы, темпераменту. В этом отразились научные интересы самого лектора Иосифа Марковича Палея и особенность подхода научной школы, а именно приверженность объективным методам и повышенное внимание к природным основам личности. Склонность к добыванию эмпирических данных объективными методами прививалась в многочасовых лабораторных работах под общим руководством Валентины Петровны Лисенковой. На первом курсе измеряли время реакции, температурную, тактильную, кинестетическую, слуховую, зрительную, болевую чувствительность, объём восприятия и т.д.

Курсовые и дипломные работы выполнялись обязательно на эмпирическом материале, собранном своими руками. Темы были разнообразны, но всегда связаны с исследованиями научного руководителя, научным направлением кафедр, лабораторий и факультета в целом. В программе университетской конференции, посвящённой 150-летию ЛГУ (1969 г.), были заявлены следующие доклады нашего 3 курса: «Влияние физической нагрузки на состояние некоторых вегетативных функций» (Л. Шеховцова), «К вопросу о связи некоторых характеристик дерматоглифики с показателями уровня интеллекта и силы нервной систем» (С. Иванова), «Данные комплексного экспериментально-психологического исследования при неврозах» (В. Суслов в соавторстве), «Некоторые особенности эвристического мыш-

ления в зависимости от интеллектуальных и психофизиологических характеристик» (Н. Логинова), «Феномены параметра интраверсия-экстраверсия на молярном уровне» (П. Карпов)⁹. Как видно, тематика студенческих исследований связана с фундаментальными проблемами психологической науки и напрямую не относилась к практической психологии. Этим интересы отличались от предпочтений современных студентов, в большинстве ориентированных на практику.

Характер психологического образования определялся его фундаментальностью, что вовсе не помешало многим выпускникам университета успешно заниматься практической психологией в ходе дальнейшего профессионального развития. Известны в этой области преподаватели факультета психологии СПбГУ — В.М. Аллахвердов, Н.Е. Водопьянова, Т.Н. Курбатова, В.А. Чикер, а также организатор психологической службы крупнейшего вуза Сибири — Новосибирского государственного технического университета — Л.В. Меньшикова, В.И. Кабрин — автор оригинального ноэтического практикума, первоклассные специалисты по судебно-психологической экспертизе Э.Л. Хайт, психодиагностике неврологических больных Е.А. Ивановская (Леванова), психотерапии невротиков В.А. Журавель, консультанты по психологии развития личности Е.И. Тюнтюник, Е.З. Фришман, Л.Ф. Шеховцова и другие.

Первую курсовую писали все как один по одной общей проблеме. Как-то раз осенним вечером 1967 г. Борис Герасимович собрал наш курс и дал задание — в преддверии подготовки к 150-летию университета коллективно

⁸ Дворяшина М.Д. Психологический портрет выпускника вуза 80-х годов // Выпускник 80-х Л.: ЛГУ. 1990. С. 193–201.

⁹ Пригласительный билет-программа научной конференции, посвящённой 150-летию Ленинградского университета и 25-летию отделения факультета психологии. Л. 1969.

написать историю психологии в университете, начиная с момента его основания, как тогда считалось, с 1819 года¹⁰. Борис Герасимович объединил нас в бригады и каждой дал своё задание по хронологическому принципу. Моя бригада занималась новейшей историей, точнее, профессиональной биографией выпускников отделения психологии, начиная с 1947 г., когда диплом психолога получили Л.М. Веккер, П. Россол, Е.И. Шорохова и Н. Я. Яшкова. Мы разыскали выпускников через адресное бюро, ходили к ним на дом и брали интервью, иногородним посылали по почте анкеты и в итоге собрали богатый биографический материал — основу демографии науки, как говорил Борис Герасимович. Он же добился для студентов разрешения работать в архиве университета с личными делами выпускников и другими документами. Наши старания принесли интересные и даже научно значимые результаты. На заключительном собрании в конце второго курса мы докладывали свои курсовые, и Ананьев остался доволен нами.

О своей студенческой историко-психологической находке годы спустя вспоминает проф. Н.В. Гришина: «В одном старом научном журнале начала века я наткнулась на письмо студентов, адресованное ректору Санкт-Петербургского императорского университета, в котором содержалась просьба об открытии в университете психологического факультета... Добросовестно переписав его аккуратным школьным почерком, я сдала копию этого письма вместе со своей курсовой работой Борису Герасимовичу. «Что это?» — спросил он, я ответила: «Ходатайство студентов об открытии в Петербурге факультета психологии». Я до сих пор помню выражение его лица, и мне трудно передать его словами, но в нём была гордость человека за открытый им факультет — он сделал это. «Напишите

¹⁰ Много позже историки доказали, что основание Санкт-Петербургского университета правильно датировать 1724 г., когда в Санкт-Петербурге был открыт университет Академии наук. Так что современный СПбГУ постарел сразу почти на сто лет.

об этом статью, я сам пошлю её в «Вопросы психологии», — сказал академик студентке-второкурснице. Статью я так и не написала, я совершенно не знала, как это делается...»¹¹. Как теперь отчётливо видно, работа по истории психологии приобщила нас к традиции психологической школы университета, привила «чувство истории», а для меня определила научный путь. Так получилось, что я всю жизнь занимаюсь историей психологической науки и психологическим изучением биографий.

Открытость научной школы — важный фактор её развития

Прививаемый нам посредством истории науки «школьный патриотизм» сочетался с открытостью другим научным школам и направлениями. В 1968—1970 гг. Б.Г. Ананьев организовал на факультете выездные сессии, когда в Ленинградский университет приезжали ведущие психологи страны из МГУ, НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР (ныне Психологического института РАО), Института психологии АН Грузинской ССР, Украинского института психологии. Мы имели счастливую возможность увидеть воочию и услышать авторов известных и влиятельных психологических теорий, лидеров научных школ А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, П.Я. Гальперина, А.А. Смирнова, Л.И. Божович, А.С. Прангишвили и других. О тех встречах, ставших событиями в научной жизни факультета и городской психологической общест-венности, неизменно вспоминают бывшие студенты. Всё это, несомненно, положительно повлияло на наше профессиональное развитие.

Как декан, Борис Герасимович заботился о всестороннем развитии студентов и хотел, чтобы жизнь на факультете была

¹¹ Гришина Н.В. Взгляд в прошлое как пример реализации теоретического конструкта «определение ситуации» // Санкт-Петербургский университет. Специальный выпуск (3461), октябрь 20, 1997. С. 9.

насыщена не только научными, но и художественными и спортивными событиями. Он поощрял творческих разносторонне развитых людей. Вообще, в нашем поколении многие в детстве учились в музыкальной школе, занимались изобразительным, сценическим, техническим творчеством или спортом. Мы увлекались поэзией и театром. Артистично читал стихи Володя Кочнев, он даже волосы осветлил — под Есенина. Хорошо играл на гитаре и пел соло Валерий Кабрин. Мы любили петь в своём кругу русские народные, военные и революционные песни, а ещё бардовские «Бригантину», «Атлантов», «Синий троллейбус» и много чего ещё. Очень популярны были «битлы». Когда в студенческом общежитии вывесили объявление «Продаются три билета на спектакль «Идиот» в БДТ», всем было понятно, что это розыгрыш. Ведь на товстоноговский спектакль попасть было почти невозможно из-за его невероятной популярности. Ещё бы, играл сам Смоктуновский. Читали много. Помню, как в общежитии на Ново-Измайловском передавали из рук в руки первую публикацию «Мастера и Маргариты» М. Булгакова.

На нашем курсе были спортивные звезды. Одна из них — олимпийская чемпионка по спортивной гимнастике Наташа Кучинская, которая, правда, вскоре куда-то перевелась, потому что Борис Герасимович даже для такой выдающейся спортсменки не делал скидок в выполнении учебного плана и учебных программ. А другая чемпионка по гимнастике и мастер спорта СССР Наташа Дмитриенко (Н.Е. Водопьянова) успешно закончила факультет, на котором и трудится в настоящее время. Кандидат в мастера спорта СССР, ныне доцент В.К. Сафонов, также с нашего курса.

Близость к миру искусства помогла Виктору Аллахвердову организовать студенческий клуб «Леонардо», который стал центром притяжения для студентов факультета и творческой молодежи города. Были интересные вечера, два из них особенно запомнились. Это поэтический вечер, посвящённый девяностолетию со дня рождения Александра Блока (1970 г.), и вечер, посвящённый столетию со дня рождения Фёдора Достоевского (1971 г.). В мраморном зале на Красной, студенты

с волнением читали стихи, музицировали, но главное, что привлекло множество народу, были яркие, страстные выступления Бориса Герасимовича. Его речь о Достоевском, к счастью, была записана на магнитофон, и её можно прочитать в печатных изданиях¹².

Завершение нашего учения было праздничным. В конце мая мы защищали дипломные работы, лучшие из которых вплотную приближались по уровню к диссертациям. По крайней мере, таково было мнение наших учителей. О работе Марины Бергер (М.А. Холодной) Иосиф Маркович сказал тогда, что это готовая кандидатская. Борис Герасимович высоко отозвался о дипломных работах В.И. Кочнева, Л.В. Меньшиковой и Е.И. Тютюнник. Приведу некоторые выдержки из его выступления. О дипломной Ларисы Меньшиковой, посвящённой интеллекту и мышлению в старости: «Прекрасная работа, она доложена лучше, чем написана... Есть удивительная вещь, которая обнаружена в этой работе, и её требуется проверить. Она опровергает психогеронтологию. Получается, по тесту Векслера, что у молодых явное преобладание вербального, а у старых невербального интеллекта... Либо права Меньшикова, либо геронтология... Я считаю, что вы умница... Мы отправляем в университеты таких людей, которые без всякой аспирантуры сделают кандидатские диссертации» (Б.Г. Ананьев на защите дипломных работ. 27 мая 1971 г. Запись моя. — Н.Л.).

Вообще, наш курс был собранием одарённых, интересных людей. (Как говорил однокурсник Василий Харченко: «Что ни личность, то индивидуальность».) Наше мировоззрение отличалось противоречивостью. В нас не было категоричности и веры наших родителей,

¹² Борис Герасимович Ананьев: Биография. Воспоминания. Материалы. СПб.: Изд-во С.-Пб универс. 2006. С. 311–320.

но при общей советскости — ирония относительно некоторых неприглядных явлений действительности. Многим юным сверстникам свойственна была романтика, жажда идеала, который прививался нам литературой, киноискусством и преданиями. Священной оставалась память о героях и жертвах войны. Над этим не иронизировали. А как иначе? Ведь мы дети победителей. Большинство из нас отличало серьёзное, равнодушное отношение к общественным делам и судьбе страны.

Выпуск состоялся, мы получили дипломы и расстались. С некоторыми товарищами, как оказалось, — навсегда. «Иных уж нет, а те далече...». Группа выпускников направилась в сибирские вузы. Борис Герасимович надеялся, что там они создадут новые центры психологического образования, науки и практики. Так и случилось. В Томске успешно работали Марина Холодная, Валерий Кабрин, Эстер Хайт, в Новосибирске — Лариса Меньшикова, Евгения Тютюнник, Лариса Шеховцова. В Тольятти на новый тогда автозавод поехал психологом службы НОТ Валерий Климович, наши эстонцы В. Колга, П. Ээбик, К. Ятса направились в Таллин. Трудоустройство не было лёгким, найти работу по специальности удалось не всем. Некоторые ушли из профессии, когда началась новая эпоха в истории России. Так что теперь среди выпускников 1971 года есть и влиятельный бизнесмен Пётр Карпов, и священник Владимир Цветков, и искусствовед Владимир Мурашко. Человек семь уехали за рубеж — в США, Израиль.

Влияние ленинградской (петербургской) психологической школы на развитие науки

Из пятидесяти человек первого выпуска десять стали докторами психологических наук. Это М.А. Холодная (Бергер, защита в 1990 г.), Н.А. Логинова (1991), В.И. Кабрин (1993), В.М. Аллахвердов (1994), В.И. Слободчиков (1994), У.А. Винокурова (Лаптева, д. с. н., 1995), Н.В. Гришина (1996), Л.В. Меньшикова (1998), Л.Г. Шеховцова (2002),

Л.Г. Почебут (2003). Немало из первого выпуска кандидатов наук: Т.Н. Курбатова (Анисимова), Н.Е. Водопьянова (Дмитриенко), В.И. Кочнев, С.А. Лукомская (Иванова), А. Отюгов, В.К. Сафонов, Е.З. Фришман, В.А. Чикер (Караштина). Простите, если кого не упомянула — не обо всех имею биографическую информацию.

Первые выпускники факультета психологии Ленинградского университета заслужили государственное и общественное признание. В.М. Аллахвердов и Н.В. Гришина — лауреаты премии СПбГУ «За научные труды» (2009, 2005), У.А. Винокурова награждена почётным знаком «За заслуги перед малочисленными народами», избиралась депутатом Государственного собрания Республики Саха (Якутия), Н.А. Логинова — лауреат премии им. С.Л. Рубинштейна Российской академии наук (2008), Л.Г. Почебут награждена Почётной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации (2009), В.И. Кабрин, Л.В. Меньшикова, Л.Ф. Шеховцова имеют знак «Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации». Выдающиеся исследования М.А. Холодной по проблеме интеллекта отмечены премией Президента Российской Федерации в области образования (1999).

Прошли годы и годы. Новые времена — новые повороты в людских судьбах. Несмотря на естественное расхождение жизненных путей, определённые разногласия в научных и политических взглядах, мы, первенцы факультета, сохраняем чувство родства. Помним друг друга юными, какими встретились впервые сорок пять лет назад, с чистыми помыслами и горячими стремлениями, ещё по-детски неуверенными, порой смешными и угловатыми. Нас объединяет общая память о студенческих годах и благодарность учителям. Желаю всем нам жить долго и много. До встречи на «золотом» юбилее! **НО**